

Су И никогда не думал, что ночь может быть такой долгой.

Сначала Чжун Мин, прижав его к циновке, долго и неспешно целовал, а потом за перегородкой послышались всё более частые шаги: это пиршество подходило к концу, люди начали расходиться по домам. Только представив, что снаружи спуют люди, а внутри, в каюте, он сейчас так близко с Чжун Мином, Су И быстро отвернул голову, стараясь спрятать лицо в циновку, будто хотел зарыться в нее.

После этого в каюте стало темнее - Чжун Мин встал и потушил светильник. Су И нащупал пальцами свои онемевшие губы, задумался и решил, что, наверное, теперь всё — пора спать. Неужели то, что они только что делали, и есть та самая вещь, после которой появляются дети? Гер с сомнением размышлял об этом, уже собираясь было приподняться, как вдруг Чжун Мин вернулся, наклонился над ним и вновь прижал его к себе.

— Ум... — вырвалось у Су И, когда он почувствовал, что теперь сила Чжун Мина стала куда настойчивее.

Он сбивчиво подумал, что вот уже пояс у него расстёгнут, а одежда сползла с плеч, открыв кожу.

Су И неосознанно протянул руку к чему-то твёрдому, прижимающемуся к его ноге. Только коснулся и тут же отдернул, осознав, что это. Благодаря тому, как он однажды видел Чжун Мина, выходящего из моря, он слишком хорошо понял, что именно сейчас прижимается к нему.

От щёк до шеи его будто обдало жаром, словно всё тело охватил огонь. Его губы чуть приоткрылись от удивления, в дыхании смешивались лёгкие винные нотки и еле уловимый аромат помады. В следующее мгновение он почувствовал влажный, глубокий поцелуй, который длился куда дольше, чем прежде. Его руки, сам того не замечая, коснулись груди Чжун Мина теперь уже без всякой преграды из ткани.

Су И сбивчиво, чуть прерывисто дышал, но даже в темноте продолжал ясно видеть глаза Чжун Мина — в них будто осели звёзды, светясь тихим, ярким светом. Оказывается, перед человеком, к которому питаешь искренние чувства, можно быть настолько безрассудным.

Чжун Мин за две жизни так и не имел подобного опыта, но с Су И всё у него получалось само собой, словно он знал с самого начала. Однако, проводя ладонью по телу гера, он заметил, как Су И слегка дрожит, и в груди у него невольно сжалось беспокойство — сможет ли тот выдержать всё, что должно произойти дальше.

В свете луны он откинул со лба Су И пару прядей, опустил и поцеловал крохотную родинку у него на веке, с трудом подавляя подступающее желание.

— А-И, ты знаешь, что нам сегодня предстоит? — спросил он, голос звучал приглушённо, но

серьёзно.

Су И заметно замялся, затем медленно покачал головой:

— Я только знаю, что в брачную ночь мы должны разделить ложе.

Он добавил с полной серьёзностью:

— Я не умею... но... я всё сделаю, как ты скажешь.

Чжун Мин глубоко вдохнул, кадык заметно дрогнул, он отвернулся в сторону, будто сдерживая себя, и в какой-то момент почти срываясь, прикусил зубами мочку уха Су И, медленно и терпеливо скользя по ней.

От этого прикосновения Су И замер, вытянулся, лежа абсолютно прямо, не в силах толком понять, что именно сейчас ощущает. Будто и сердце, и губы, и уши покалывало одной волной. Словно рыба, что прячется от света, ищет тени, он невольно поддавался внутреннему порыву, желая спрятаться в тёмном, надёжном пространстве рук Чжун Мина, в том укромном месте, которое тот очертил для него.

Чжун Мин наконец тихо заговорил у самого уха Су И:

— Давай попробуем. Если тебе станет плохо или будет неприятно, я сразу остановлюсь.

Слова эти могли бы напугать, но Су И никак не мог представить, что с Чжун Мином может быть что-то неприятное.

— Я не боюсь, — ответил он, неуклюже подняв лицо и, подумав немного, осторожно, как учился у Чжун Мина, мягко поцеловал его в подбородок.

Эта ночь, казалось бы, должна была пройти так, как положено. Но всё оказалось действительно не так просто, как представлял себе Чжун Мин. Су И был слишком хрупким, таким тонким и лёгким, что Чжун Мин боялся даже надавить сильнее, чтобы ненароком не сломать эти хрупкие кости. При этом Су И совсем не был из тех, кто сразу скажет, если почувствует боль или неудобство. Даже когда пальцы Чжун Мина коснулись уголка его глаза и ощутили горячую слезинку, Су И всё равно не издал ни звука, не отстранился, позволяя ему продолжать.

Но если всё оставить как есть, даже не говоря о возможных травмах, Чжун Мин просто не хотел, чтобы у Су И остался в сердце страх или отвращение к тому, что должно быть чем-то естественным и тёплым между ними.

Он медленно остановился, осторожно вытер слёзы с его лица кончиками пальцев.

Су И всхлипнул и спросил:

— Уже всё?

Чжун Мин лёг рядом, обнял его, прижав к себе, и объяснил сдержанно и мягко:

— На самом деле... это ещё даже не начало.

Су И опешил: он-то думал, что боль, которую он только что пережил, и была той самой свадебной ночью, что всё уже позади... А оказывается, это ещё даже не начало.

Его растерянное выражение лица не ускользнуло от взгляда Чжун Мина. Тот уже и сам чувствовал, что не стоит продолжать дальше прямо сейчас. Лучше дождаться, пока у Су И появится хоть какое-то понимание, может, потом и специально купить в деревне книжку с картинками, чтобы гер сам потихоньку разобрался, что к чему. Да и ему самому стоило бы научиться чему-то новому, а не всегда только действовать напролом, без разбора, превращая всё в одно только терпение и усталость.

Но уже всё было слишком запущено, и если уж сегодня ничего не сделать, Чжун Мин боялся, что ему придётся идти купаться прямо в море, чтобы хоть как-то успокоиться.

Он придвинулся поближе, положил подбородок на плечо Су И и впервые в жизни заговорил с едва заметной мольбой:

— А-И, помоги мне, хорошо?

...

Поздней ночью.

В небе висела тонкая серповидная луна, похожая на наполовину откушенную лепёшку из белого риса.

Всё вокруг давно уже стихло. Тишина была такой глубокой, что Су И слышал только собственное сбивчивое дыхание. Чжун Мина рядом не было, и он, всё ещё не до конца отошедший от того, что только что с ним происходило, беспомощно натянул на себя простыню, стараясь прикрыть тело.

Прошло немного времени. Чжун Мин вернулся — тоже с голым торсом, в одних коротких

штанах, с тазом воды и тряпкой в руках.

— Вставай, оботрись, — спокойно сказал он.

Су И с лицом, горящим румянцем, зажал простыню в пальцах и не осмеливался её опустить. Чжун Мин с пониманием отвернулся:

— Тогда я отвернусь. Закончишь - скажи.

Он даже специально отступил в сторону. На мгновение воцарилась тишина, потом за спиной раздался лёгкий шелест.

Когда Су И закончил, Чжун Мин вышел наружу, чтобы вылить воду. Он едва сдерживал улыбку — губы у него почти разъехались до ушей, так он был доволен.

Жениться — это хорошо. Иметь рядом фулана — это тоже хорошо. Теперь Чжун Мин наконец-то понимал, почему почти ни один мужчина не хочет оставаться холостяком. А в прошлой жизни... что это вообще была за горькая жизнь?

Но если подумать, в прошлый раз, если бы его не сослали в армию, вряд ли он стал бы добиваться Су И. Тогдашний он был слишком торопливым, слишком гнался за выгодой, в его глазах и тени маленького гера не было. К счастью, сейчас всё пошло иначе: ему дано было прожить всё заново, и все сожаления оказались заглажены, судьба сошлась с тем, кто действительно был ему предназначен.

Лёжа на циновке, Чжун Мин чувствовал, будто у него в голове хлопают фейерверки, сна не было ни в одном глазу. Он повернулся на бок, лицом к Су И, и под простыней накрыл его ладонь своей.

Шершавые от работы пальцы обхватили тонкие пальцы гера, медленно размотали тканевую полоску, которой тот обычно обматывал пальцы, и открывшиеся шесть тонких, хрупких пальцев казались особенно мягкими и уязвимыми. Чжун Мин не удержался, подушечкой большого пальца аккуратно провёл по ним, несколько раз медленно поглаживая.

Сердце у Су И билось в груди гулко и быстро.

До сегодняшнего дня он и подумать не мог, что руками вообще можно заниматься такими вещами. Не только своими, но и тем более руками Чжун Мина. Ещё менее мог он представить, что впервые Чжун Мин коснётся того самого лишнего пальца именно в такой момент...

Он зажмурил глаза, чувствуя, как всё тело тонет в волнах стеснения и смущения.

— Больше не обматывай пальцы, — тихо сказал Чжун Мин, прикасаясь к маленьким пальцам Су И и словно пряча голос у него в ушке. — Если долго бинтовать, другие пальцы тоже начнут расти неровно. В этом нет ничего уродливого, ты не должен из-за этого переживать. Я не боюсь. И Сяо Цзай тоже не боится.

— Правда? — тихо переспросил Су И.

— Конечно, правда, — подтвердил Чжун Мин, чуть подтянул его руку и приложил к своей груди. — Ты когда-нибудь думал о том, что это было у тебя с рождения? Это то, что твой отец и твой маленький отец оставили тебе.

Су И замер, а потом медленно кивнул:

— Тогда... тогда я больше не буду их бинтовать.

Чжун Мин мягко провёл рукой по его спине, и оба, прижавшись друг к другу, долго ещё не могли уснуть, шепча о самом сокровенном. Так, разговаривая и убаюканные лёгким покачиванием лодки, они незаметно провалились в сон.

На следующий день после свадьбы Су И медленно открыл немного тяжёлые от усталости глаза и долго смотрел на потолок лодки, словно пытаясь понять, где он. И тут до него дошло: это ведь лодка Чжун Мина. Верно. Вчера они с Чжун Мином поженились, всю ночь не спали — сначала были заняты друг другом, потом ещё долго разговаривали.

Он повернулся на бок, уставился в пустое место рядом на циновке, задумался и вдруг осознал: Чжун Мин, наверное, давно уже встал. А он сам всё ещё валяется!

Су И вскочил, отбросив в сторону лёгкое покрывало, которое уже давно сползло с него из-за жары, торопливо огляделся, нашёл свои разбросанные вещи, быстро оделся, хватая в руки и заплетая в спешке волосы.

В этот самый момент за перегородкой раздался стук. Су И быстро взглянул на себя: вроде бы всё в порядке, кроме чуть растрёпанных волос. Собралшись с духом, он подошёл к двери, приоткрыл её на узкую щёлку и тут же прямо перед собой увидел лицо Чжун Мина.

Су И на мгновение потерял дар речи, а Чжун Мин тем временем уже легко проскользнул внутрь через приоткрытую дверь и сказал совершенно непринуждённым тоном:

— Я подумал, что ты уже почти проснулся. Соберись, сейчас пойдём завтракать к тёте.

Су И с облегчением выдохнул:

— Напугал ты меня... Я уж подумал, что это тётя с другими пришли меня звать.

Оглядевшись, он не нашёл расчёски и спросил у Чжун Мина:

— У нас есть гребень? Мне нужно причёску поправить.

Немного растерянно и с лёгкой тревогой он добавил:

— Утром встать так поздно, вдруг старшие подумают, что я без уважения...

— Кто из молодых после свадьбы встаёт с утра пораньше? — с усмешкой ответил Чжун Мин. — Если бы ты встал слишком рано, они бы подумали, что я плохо о тебе позаботился.

После того, что произошло прошлой ночью, даже если Су И ещё не до конца всё осознавал, он уже не был тем совершенно наивным и неразбирающимся гермом. Он уловил в словах Чжун Мина скрытый смысл и, покраснев до ушей, тихо упрекнул:

— День на дворе... А ты такие слова говоришь.

— Мы же у себя дома, не на улице, — спокойно ответил Чжун Мин. — Да и говорю я это только тебе.

Он наблюдал, как Су И с распущенными длинными волосами, босиком, с лёгким смущением метался по каюте, и, наконец, подозвал его к себе. Поставил перед ним медное зеркало, закрепив его на сундуке, и достал два деревянных резных ящичка: один побольше, другой поменьше. В этих двух коробочках лежали серебряные украшения, которые он хранил уже полмесяца, дожидаясь именно этого дня, чтобы нарядить в них своего фулана.

— Я сейчас пойду наберу воды для умывания, а ты пока посмотри, нравится ли тебе то, что там внутри.

Су И хотел было выйти следом и сказать, что сам наберёт воды, но тут же вспомнил, что сейчас он не в самом подходящем виде для того, чтобы показываться людям: волосы распущены, одежда надета слегка небрежно. Поэтому он послушно остался внутри, тихо сел.

Он протянул пальцы и осторожно коснулся ящичков, что оставил Чжун Мин. По форме и по словам, сказанным до этого, он уже примерно догадывался, что там внутри. Говорили ведь: если после свадьбы муж доволен новым супругом, он обязательно дарит ему серебряные украшения. Су И затаил дыхание, медленно открыл ящичек, один за другим отщёлкнув маленькие медные застёжки.

Внутри в одном из ящичков меньшего размера лежала пара серебряных серёжек-гвоздиков. В

большом - серебряная заколка для волос.

Су И бережно взял заколку в руки, внимательно её разглядывая: на конце заколки была вырезана фигурка карпа, узор воды вокруг был исполнен настолько тонко, что казался живым. Он всегда любил рыб, особенно тех, что свободно скользят в воде, считая, что они живут вольно, как хотят. А карп к тому же считался благополучным символом. Правда он никогда не говорил об этом Чжун Мину.

Су И осторожно провёл пальцами по заколке, как по сокровищу, затем положил её обратно в ящичек и взял в руки серебряные серьги. Подняв взгляд, он посмотрел на своё отражение в медном зеркале, чуть склонив голову набок.

Уши у него были проколоты ещё в детстве, но со временем заросли. Уже перебравшись на лодку бабушки Сунь, та как-то раз сама разогрела швейную иглу, заново проколола уши и дала ему стебельки чайного куста, чтобы он вставлял их, пока проколы не заживут. Так что теперь, не приложив особых усилий, он легко вставил серебряные серёжки на место.

Когда Су И закончил, он медленно поднял руку и, будто не веря самому себе, снова осторожно коснулся мочек ушей, легко провёл по серебряным бусинам, чувствуя их прохладный вес.

И именно в этот момент Чжун Мин вернулся в каюту и увидел перед собой такую картину: гер сидел прямо перед медным зеркалом, спиной к нему, с распущенными волосами, спокойно и немного сосредоточенно. Серебряные серёжки в ушах сверкали холодным светом, делая мочки яркими, как ягоды кизила, а сами бусины выглядели как изящные сердцевины среди цветков.

Сердце Чжун Мина невольно пропустило несколько ударов.

<http://bllate.org/book/13583/1205013>